

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902(4/5)634|

ПРОЦЕСС НЕОЛИТИЗАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

П. М. Кольцов

Калмыцкий государственный университет
E-mail: koltsov_pm@kalmsu.ru

Процесс неолитизации и внедрения производящих форм экономики протекал в различных частях Евразии не одновременно. Первыми в области селекции и domestikации животных ученые называют южную – переднеазиатскую зону и Юго-Восточную Азию. В северной части кругокаспийской области процесс неолитизации происходил на базе интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. В дальнейшем утверждение передового опыта южных очагов привело к складыванию в Северном Прикаспии культур с накольчато-прочерченной керамикой и микролитой индустрией. Постепенно процесс утверждения новых производств и обогащение рациональными знаниями охватил не только южные степи, но и лесостепные территории, проникая в глубь Восточной Европы.

Ключевые слова: неолитизация, Евразия, Северный Прикаспий, керамика, культуры, земледелие, скотоводство.

Neolithization Process in Euro-Asian Area Abstract

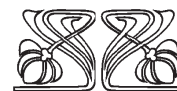
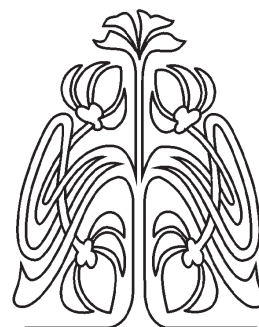
P. M. Koltsov

The process of neolithization and introduction of producing forms of economics did not take place in different parts of Euro-Asia simultaneously. South Asia and South-East Asia zones are considered to be first in the selection and domestication of animals. In the Northern part of the Caspian Sea area the neolithization took place on the basis of intensification and specialization of appropriating forms of activities. Further assertion of the advanced experience of Southern focus led to the formation of cultures with pricked and dashed ceramics and micro stone industry in North Caspian Sea area. Gradually the process of assertion of new production and enrichment of rational knowledge covered both Southern steppes and forest-steppe territories penetrating deep into West Europe.

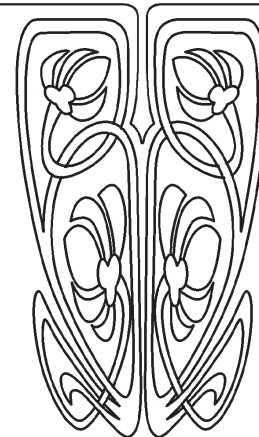
Key words: neolithization, Euro-Asia, North Caspian Sea, ceramics, cultures, agriculture, cattle breeding.

Начиная с мезолитического времени на территории Передней Азии происходили процессы вызревания новой экономики, связанные с domestikацией диких растений и животных. В последующую, неолитическую эпоху земледелие и скотоводство стали определяющими в экономике первобытного общества переднеазиатской зоны. Это позволило человечеству за короткий срок (по историческим меркам) совершить прорыв в области экономики, социальной организации и общественных отношений. От присваивания «даров природы» и изготовления каменных орудий труда первобытное общество перешло к производящим формам хозяйства – земледелию и скотоводству, металлургии, – а затем к созданию письменности и государства.

В северной части кругокаспийской области, куда вошли степи Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия, процесс неолитизации происходил на базе интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. Это привело к формированию культурно-хозяйственного типа охотников, рыболовов и собирателей. Дальнейшее расширение контактов между племенами способствовало утверждению передового опыта южных очагов и скла-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

дыванию в Северном Прикаспии своеобразной культурно-исторической общности, состоящей из культур с накольчато-прочерченной керамикой и микролитой индустрией.

Постепенно процесс утверждения нового производства и взаимного обогащения рациональными знаниями охватил не только южные степи, но и лесостепные территории, проникая в глубь Восточной Европы.

Первые памятники неолитического времени на территории северокаспийской области были открыты более 80 лет назад. В то время неолит Северного Прикаспия был представлен преимущественно рассеянными и малоинформативными с точки зрения исторической интерпретации памятниками.

К настоящему времени усилиями нескольких поколений археологов резко увеличилась количественная и качественная сторона источниковедческой базы неолитической эпохи исследуемого региона. Это позволило исследователям создать локальные культурно-хронологические схемы развития неолита: для Северо-Западного Прикаспия – джангарская культура¹, Степного Поволжья – орловская культура², Волго-Уральского междуречья – сероглазовская культура³ или каиршакско-тентексорская культура⁴. В дальнейшем исследователи предложили общие схемы культурно-исторического развития населения северокаспийской области в мезолите и неолите. При этом наметились две тенденции: одна рассматривает мезо-неолитические памятники Северного Прикаспия в рамках нижневолжской культурно-исторической общности⁵, другая объединяет их в северокаспийский культурный ареал⁶, или североприкаспийскую культурно-историческую общность⁷.

Широкий разброс мнений относительно культурно-хронологической ситуации памятников исследуемого региона вновь заставляет обратиться к критериям выделения неолита как археологической эпохи и степени единства памятников, объединяемых в археологические культуры и другие, более крупные образования. Известно, что в разных странах Европы, да и в среде российских археологов нет единого подхода к выделению неолита как исторической и археологической эпохи.

Между тем неолит по праву считают важнейшей ступенью в истории первобытного общества. Как определенная ступень развития каменного века неолит был выделен в 1865 г. Дж. Леббоком лордом Эйвбери. Основными признаками данной исторической эпохи исследователь считал изготовление глиняной посуды, а также введение новых технических приемов обработки каменных орудий труда, таких как шлифование, пиление и сверление. С тех пор близкое понимание неолита прочно вошло в научный оборот, в том числе и российской археологии⁸. Некоторую ревизию этих взглядов провел Г. Д. Кларк: исследуя мезолитические материалы Северной Европы, он пришел к выводу, что

способы обработки камня, включая шлифование, сверление и пиление, были освоены человеком еще в мезолите. Следовательно, по мнению ученого, только появление керамической посуды остается основным аргументом начала неолита. По мере накопления огромного количества материалов термин «неолит» перестал быть дефиницией только археологического порядка. К этому историческому периоду стали проявлять интерес специалисты не только смежных дисциплин, но и зоологи, антропологи, генетики и даже философы.

Широкое распространение глиняной посуды, текстиля, наличие отличительных признаков каменных и костяных орудий труда до сих пор остаются одним из основных критериев появления новой, неолитической эпохи. Но за этими, казалось бы, формальными признаками кроется серьезное изменение всей экономики и образа жизни – переход к оседлости, увеличение численности населения, приготовление жидкой (растительной и мясной) пищи на костре и т. д. В этот период происходят широкие миграционные процессы, связанные с нарастающей аридизацией и ростом численности населения. В поисках благоприятной среды обитания, первобытные племена продвигались на значительные расстояния и неизбежно вступали в тесное соприкосновение с местным населением. Причем контакты могли носить как враждебный, так и мирный характер и в конечном счете завершились ассимиляцией неолитических племен. Вначале они объединяются в небольшие группы, а затем постепенно консолидируются в крупные культурно-исторические общности, на базе которых возникли этнические субстраты многих современных народов. Некоторые исследователи считают, что именно южные степные районы Евразии являются колыбелью протоиндоевропейских народов.

Изменение наблюдается и в социальной структуре большинства племен, перешедших к неолиту. Все начинается с накопления избыточного продукта, получаемого за счет интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. Излишки постепенно сосредоточиваются в руках старейшин, шаманов, военных предводителей и удачливых охотников, которые становятся прообразом зарождающегося привилегированного слоя.

Перечисленные выше процессы имеют скорее эпохальный характер, а поистине революционным достижением следует считать переход неолитического общества к производящему хозяйству в виде примитивного земледелия и скотоводства. Это событие английский археолог В. Г. Чайлд назвал «неолитической революцией», которая определила развитие человеческого общества на многие тысячелетия вперед⁹. Поэтому начало неолитической эпохи он связывает с ранним земледелием. Следуя этой идее, Г. Чайлд обосновал миграционный характер неолита Центральной Европы, который, по его мнению, был привнесен земледельцами из Передней Азии. Затем стали

появляться различные модели миграционных процессов.

Сторонники «скачкообразной» модели полагают, что колонисты передвигались небольшими группами на лодках вдоль средиземноморского побережья. Генетик Л. Кавалли-Сфорца и математик А. Аммерман предложили демографическую модель неолитической популяционной диффузии, названной исследователями «волновой миграцией». Они полагали, что переход к земледелию привел к демографическому взрыву, при котором плотность населения возросла до «уровня насыщения», в результате чего происходил многократно повторяющийся отток избыточного населения в пространстве. Причем этот процесс предполагал поглощение земледельцами-скотоводами местного мезолитического населения или его уничтожение. Некоторые ученые считают, что большая часть современного генофонда Европы была сформирована за счет иммиграции «переднеазиатских земледельцев» при ничтожной доле местной донеолитической популяции¹⁰.

В истории человечества процесс неолитизации и внедрения производящих форм экономики был довольно длительным и протекал в различных частях земного шара не одновременно. В Евразии «пионерами» в области селекции растений и доместикации животных ученые в первую очередь называют южную – переднеазиатскую зону и Юго-Восточную Азию. Переход к производящему хозяйству там произошел в конце мезолита, о чем свидетельствуют такие раннеземледельческие поселения, как Иерихон (докерамический неолит В), Хаджилар, Чейеню-тепе и др. В дальнейшем раннеземледельческие культуры типа Чатал-Хююк, Джармо, Али-Кош, Тепе-Гуран и другие продолжают развивать земледельческо-скотоводческое хозяйство, используя достижения неолитической эпохи¹¹.

В VI тыс. до н. э. на территории Средней Азии расцвела джейтунская раннеземледельческая культура. Ее представители населяли узкую полосу предгорной равнины между отрогами Копет-Дага и песками Каракумов, где на плодородных почвах возделывали поля, орошаемые предгорными речками и ручьями. Использование естественного орошения и целый ряд иных признаков позволяют отнести джейтунцев к кругу раннеземледельческих культур Передней Азии¹².

Закавказье также считается одним из очагов древнего производящего хозяйства. Для этого там существовали все природные предпосылки – наличие диких сородичей культурных злаков и домашних животных. Однако бесспорных материалов, свидетельствующих о становлении производящей экономики в регионе на ранних этапах неолита, пока нет. На памятниках Черноморского побережья Грузии костей животных не обнаружено, известны лишь разнообразные находки каменных орудий труда, свидетельствующие о возможном занятии местного населения земледелием

(Нижнешиловская, Одиши, Кистрик, Анасеули 2 и др.). Прежде всего это микролитические вкладыши для жатвенных ножей, зернотерки, ступы, а в некоторых случаях мотыжки сочи-адлерского типа. В Восточном Закавказье на поздних этапах неолита и в энеолите существовала земледельческо-скотоводческая шулавери-шомутепинская культура, которая при всей своей самобытности (разнообразие окультуренных злаков, присущих только ей) развивалась под влиянием переднеазиатских земледельческих культур¹³.

Значительные изменения в неолите произошли на юге России и Украины. В первую очередь они затронули Кавказ, Крым, а затем в этот процесс были вовлечены степные и лесостепные районы.

На территории горного Дагестана неолитическое население уже в первой половине VI тыс. до н. э. культивировало производящее хозяйство. Об этом свидетельствуют материалы Чохского поселения, отражающие процесс вызревания неолитической культуры с производящей экономикой на местной мезолитической основе¹⁴. В V тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе процветала раннеземледельческая культура Гинчи. В III тыс. до н. э. энеолитические племена Северного Кавказа по уровню своего развития стояли на пороге образования раннеклассового общества древневосточного типа¹⁵.

В Крыму можно назвать известные уже неолитические поселения Таш-Аир, Кая-Арасы, Замиль-Коба II и др., где наряду с костями диких животных обнаружены кости домашних свиней, коров, овец. В конце неолита количество домашних особей увеличивается, а наличие на поселениях зернотерок, пестов, мотыг и вкладышей серпов свидетельствует о занятии населения предгорных районов земледелием¹⁶.

Данные исследования наглядно показывают, что древние культуры с производящей экономикой находятся примерно в одном широтном поясе, который приурочен к северному тропику и представляет собой предгорные районы и мощные речные долины с разнообразной фауной и флорой. Вначале человек использовал перспективные экологические ниши для активного собирательства и охоты, а затем перешел к окультуриванию дикорастущих злаков, приручению и одомашниванию овец, коз, а затем быков и других видов животных. Мнение относительно автохтонного возникновения животноводства в Восточной Европе, которое существовало в отечественной научной литературе, оказалось несостоятельным¹⁷. Об этом убедительно написано в классических трудах Н. И. Вавилова относительно центров происхождения культурных растений.

В лесной зоне достижения неолитической эпохи внедрялись в экономику первобытных племен значительно медленнее. Вначале они научились формовать и обжигать глиняную посуду, затем овладели приемами сверления, пиления и

шлифования, что позволило им получить тесла, долота и более совершенные каменные топоры с надежной рукоятью. Овладев новыми технологиями в изготовлении каменных орудий труда, лесные неолитические племена научились быстрее рубить деревья, строить добротные дома, лодки и т. д.

Продукты охоты, собирательства и рыболовства по-прежнему составляли основной рацион лесных жителей, причем роль рыболовства значительно возросла. Многие поселения археологи находят рядом с водоемами – озерами и реками. Для увеличения количества добываемой пищи человек продолжает совершенствовать охотничий инвентарь и рыболовное снаряжение. В неолите появляются различные самострелы, капканы, силки, ловушки, а также сети, «запоры», верши и прочие рыболовные снасти, позволяющие добывать больше дичи и рыбы и делать запасы. Оседлость, всесторонние знания об окружающей природной среде, включая животных и растения, и возможность иметь большие запасы продуктов питания позволили неолитическим племенам охотников, рыболовов и собирателей еще интенсивнее эксплуатировать природные ресурсы.

Проникновение производящего хозяйства в лесную зону происходило позднее под влиянием степных и лесостепных культур, которые значительно раньше познакомились с передовыми достижениями переднеазиатских раннеземледельческих культур.

В приморских районах Дальнего Востока, Сахалина и Японии процессы неолитизации протекали иначе. Там население издревле занималось морским промыслом – рыбной ловлей и охотой на морского зверя, – который дополнялся собиранием съедобных морских моллюсков. Совершенствуя способы морского промысла, аборигены создали оптимальную хозяйственную модель, которая в ряде северных приморских районов существует и поныне. Нельзя не отметить и того факта, что керамическое производство в Японии зафиксировано на начальной стадии культуры Дзёмон, которая датируется около 11 000 лет до н. э.¹⁸ В бассейне нижнего течения Амура керамический центр имеет радиоуглеродные даты порядка 14 500–12 400 лет назад¹⁹. Близкие даты показывают керамические комплексы в Забайкалье²⁰. Причем появление керамического производства в восточных регионах Северной Евразии произошло в условиях высокопроизводительного хозяйства присваивающего типа и в большей мере независимо. Естественно, что открытия подобного рода ставят перед учеными все новые вопросы. Ответы на них носят пока все больше гипотетический характер. Например, феномен раннего появления керамического производства и его распространения в широтном направлении некоторые исследователи объясняют определенным культурным импульсом в пределах южно-сибирского лесостепного пояса. Затем в VII тысячелетии этот импульс достигает степной и лесостепной зон

Восточной Европы. В VI тысячелетии население большей части лесной зоны Восточной Европы постепенно осваивает керамическое производство. В это время в Центральной Европе быстро распространяются поселения культуры линейно-ленточной керамики, что объясняется климатическим оптимумом голоцена – максимальным увеличением температур, осадков и биомассы²¹.

Приведенный выше краткий обзор неолитизации отдельных регионов показал, что в ряде мест, благоприятных с точки зрения доместики диких растений и животных, на ранних этапах неолитической эпохи возникают земледелие и скотоводство, чтобы со временем занять главное место в экономике. Являясь первыми в области новаций, переднеазиатские раннеземледельческие культуры оказали значительное влияние на становление производящего хозяйства в Европе. В свое время Г. Чайлд писал о том, что неолит был привнесен в Европу земледельцами из Передней Азии. Но по мере накопления материала по неолиту Старого Света исследователи высказывались по данной проблеме уже не так категорично. Одним из представителей такого подхода была Р. Трингхэм, которая полагала, что местные племена либо воспринимали привнесенные земледельцами технические новации, либо отвергали их²². Российские исследователи, опираясь на данные радиоуглеродного датирования, считают процесс неолитизации в Европе результатом «диффузионных и конвергентных процессов»²³.

Становление новой экономики у первобытных племен северных регионов нашей страны было более длительным. Тем не менее группы населения, проживающие за пределами древних очагов земледелия и скотоводства, не были пассивными членами человеческого сообщества. Рост экономики в неолите сопровождался появлением избыточного продукта, повлекшего за собой интенсификацию обмена продуктами жизнедеятельности, хозяйственную специализацию, усложнение социальной структуры и т. д. Одним словом, они активно участвовали в общеисторическом процессе, взаимодействуя между собой в самых разных формах. Улучшение жизни общества привело к росту населения и расширению контактов между племенами, что способствовало утверждению новых производств и взаимному обогащению рациональными знаниями.

На месте небольших поселков охотников и собирателей появляются ранние земледельцы, поселения городского типа. Это потребовало новых архитектурных решений в планировке и строительстве зданий. Закономерным следствием этих процессов стало формирование в Старом Свете, где обитали ранние земледельцы и скотоводы, классических цивилизаций городского типа, таких как Шумер, Аккад или Древний Египет.

В последующий, энеолитический период степные племена не только усвоили опыт южных соседей, но и выработали новые формы хозяйства,

соответствующие природным ресурсам степной зоны. Особенно перспективным стало подвижное скотоводство, которое на ранних этапах новой экономики сочеталось с традиционными формами присваивающего хозяйства – охотой, рыболовством и собирательством. Внедрение присваивающей экономики привело к образованию новых культур, систем связей, идеологических воззрений и верований. Этому в известной степени способствовало изобретение колеса и приручение лошади. Энеолитические племена степной и предгорной (Северный Кавказ и Крым) полосы Восточной Европы получили ту подвижность, которая позволила им распространить передовые, рациональные знания по всей Европе и за ее пределами. Целый ряд лингвистов и археологов идентифицируют с ними индоевропейские народы²⁴. Сказанное выше является отражением объективных законов исторического развития. Поэтому знание подлинных форм этносоциальных и хозяйственных образований конкретных регионов в прошлом может быть полезным и сегодня.

Примечания

- ¹ Кольцов П. М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы : сб. науч. статей. Элиста, 1990. С. 62–71 ; *Он же*. Поселение Джангар : человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М., 2004. С. 115–123.
- ² Юдин А. И. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 142–172.
- ³ Козин Е. В. Неолит Северного Прикаспия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. С. 10–15.
- ⁴ Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь : учеб. пособие. Куйбышев, 1988. С. 26.
- ⁵ Васильев И. Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981 ; Юдин А. И. Неолит // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 331–454.
- ⁶ Амирханов Х. А. Северокаспийский регион – специфический очаг мезо-неолитических культур // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.
- ⁷ Кольцов П. М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы : сб. науч. статей. Элиста, 1990 ; *Он же*. Поселение Джангар : человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М., 2004 ; *Он же*. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.
- ⁸ Ошибкина С. В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996. С. 6.
- ⁹ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949. С. 33.
- ¹⁰ Bodmer W. F., Cavalli-Sforza L. L. Genetics, Evolution and Man. San Francisco, 1976.
- ¹¹ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982 ; Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989.
- ¹² Массон В. М. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. ; Л., 1966. С. 76–92.
- ¹³ Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палео-этноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977. С. 40–49 ; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 68–71.
- ¹⁴ Амирханов Х. А. Чохское поселение (человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана). М., 1987.
- ¹⁵ Гаджиев М. Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.
- ¹⁶ Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир 1 как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 91. С. 3–165 ; Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению палеолита Юга СССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 102. С. 89–150 ; Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977.
- ¹⁷ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- ¹⁸ Aitkens C. M., Higuchi T. Prehistory of Japan. N.Y., 1982.
- ¹⁹ Derevyanko A. P., Medvedev V. E. The Amur River basin as one of the earliest centres of ceramics in the Far East // H. Kajiwara (ed.). The Origins of Ceramics in East Asia and the Far East. Tohoku, 1995 ; Kuzmin Y. V., Orlova L. A. The Neolithisation of Siberia and Russian Far East Antiquity. 2000. № 74.
- ²⁰ Хлобыстин Л. П. Восточная Сибирь и дальний Восток // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996 ; Kuzmin Y. V., Orlova L. A. Op. cit. P.
- ²¹ Peterson G. M. Vegetational and climatic history of the western Former Soviet Union // H. E. Wright, J. E. Kutzbach, T. Webb, W. F. Ruddiman, F. A. Street-Perrott, P. I. Bartlein (eds.) Global Climates Since the Last Glacial Maximum. Minneapolis, 1993 ; Долуханов П. М. Проблемы неолитизации и изучение материальной культуры раннего неолита // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 193–206.
- ²² Tringham R. Hunters, Fishers and Farmers Europe 6000–3000 BC. L., 1971. P. 216–217.
- ²³ Долуханов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии (По данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 29–30.
- ²⁴ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974 ; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1982 ; Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983 ; Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989 ; Павленко Ю. В. Праславяне и Арии. Киев, 2000.